

«Логика и философия языка»

А.Л. Никифоров

Тезисы доклада:

Онтологический статус референтов имен собственных

(Существует ли Петр Куслий?)

1. Логическая семантика в трудах Г.Фреге, Б.Рассела, А.Тарского, Р.Карнапа создавалась как дисциплина, имеющая дело с формальными языками логики. Основным семантическим отношением для нее было отношение обозначения, существующее между выражениями формализованного языка и объектами заданной предметной области. Соответственно этому и значение языковых выражений в логической семантике было сведено к обозначаемым предметам, понятие смысла упоминалось (как дань памяти Фреге), но не использовалось, да оно и не было нужным для формализованных языков. Практически все теории референции, построенные в сфере логической семантики, в той или иной мере принимают теорию отношения именованности (обозначения), восходящую к Фреге. В гл. 3 своей книги «Значение и необходимость» Р.Карнап формулирует основные принципы (постулаты) этой теории: 1) *принцип однозначности*: каждое имя именуется только один объект; 2) *принцип предметности*: предложение говорит о референтах входящих в него имен; 3) *принцип взаимозаменяемости*: если два выражения обозначают один объект, то их можно заменять друг на друга, сохраняя истинностное значение содержащих их предложений (Карнап, с. 160).

2. Можно попытаться осознать неявные предпосылки, на которые опирается эта и другие теории референции логической семантики.

Во-первых, предполагается, что существует (или постулируется) некая предметная область, объекты которой обозначаются (именуются) выражениями языка. Предметы нашей предметной области существуют до того, как им дали имя, по ним «пробегают» переменные, о них говорят кванторы. Выражения языка являются простыми заместителями или представителями обозначаемых ими объектов – как кубики, из которых мы строим игрушечный дом, являются заместителями реальных кирпичей. Во-вторых, объекты нашей предметной области считаются неизменными и одинаковыми для всех, кто пользуется языком: если кто-то когда-то говорил о числе 9 и если я сейчас говорю о числе 9, то мы говорим об одном и том же объекте. В-третьих, предполагается, что каждому известно, какой объект обозначается тем или иным выражением, и он всегда способен выделить этот объект из множества других объектов предметной области. Наконец, многие представители логической семантики полагали, что значение языковых выражений целиком исчерпывается их предметным значением, т.е. референтами, поэтому в семантике мы говорим именно о «теориях референции».

3. По-видимому, для формализованных языков логики все это в значительной мере справедливо. Однако представители логической семантики всегда считали, что их построения и теории способны пролить свет и на функционирование выражений естественного языка. Правда, применение принципов теории референции к естественному языку сразу же наталкивалось на трудности, встающие, в частности, с так называемыми «пустыми» именами, с принципом взаимозаменяемости в косвенных и модальных контекстах, с предложениями тождества и т.п. В сущности, почти столетнее развитие логической семантики в значительной мере было связано с попытками преодоления этих трудностей. Но, может быть, настала пора пересмотреть те предпосылки, на которые опирались и опираются логико-семантические теории референции? Быть может, для естественного языка все эти предпосылки неверны?

4. Если мы выделяем только отношение обозначения, то все выражения естественного языка, включая и предложения, оказываются именами. Ограничимся в дальнейшем только именами собственными как наиболее простыми из обозначающих выражений. Я не знаю, существуют ли какие-то грамматические, лингвистические признаки, отличающие имена собственные от других существительных, и буду исходить из того, что имя собственное – это существительное, обозначающее один-единственный объект. Вероятно, оно не может употребляться во множественном числе. Кажется, со времен Рассела принято отличать подлинные имена от дескрипций. Оставим пока дескрипции в стороне и будем говорить только о несомненных именах собственных. (По-видимому, нужна какая-то классификация имен собственных или единичных терминов: имя и дескрипция, имя человека и имя города, имя предмета и имя события и т.п. И лишь после этого рассматривать вопрос о том, какие объекты именуют наши единичные термины).

5. Логическая семантика никогда, кажется, не рассматривала вопрос о том, что представляют собой объекты, именуемые выражениями формализованного языка. Этот вопрос выходит за рамки ее задач. Но если мы обращаемся к рассмотрению естественного языка, то мы вынуждены обратить внимание на природу обозначаемых объектов, следовательно, входим в сферу эпистемологии. Анализ формализованных языков – задача конкретной дисциплины, анализ естественного языка в его отношении к обозначаемым объектам – это уже задача философии.

Начнем наше рассмотрение с таких имен, как «Великая Октябрьская революция», «Реформация», «Тридцатилетняя война», «Крещение Руси» и т.п. По-видимому, трудно отрицать, что все это – имена собственные, по крайней мере, в естественном языке они считаются таковыми. Но какой предмет они обозначают? Можно ли сказать, что «предметы» этих имен как-то существовали до «прикрепления» к ним имени, как это предполагается принципами теории референции?

Возьмем, к примеру, имя собственное «Сталинградская битва». Считается, что эта битва началась в середине июля 1942 г. и закончилась 2 февраля 1943 г. Она включила в себя тысячи (если не миллионы) разнообразных этапов и эпизодов: отступление советских войск от Харькова до Сталинграда; прорыв к Волге корпуса Виттерсгейма; оборону «дома

Павлова»; поединок советского снайпера Василия Зайцева с немецким снайпером; подвиг Михаила Паникахи при обороне поселка Красный Октябрь; контрнаступление советских войск и окружение армии Паулюса; попытка деблокирующего удара под командованием Манштейна; предложение капитулировать и пленение Паулюса со всем штабом 6-й армии.

Что объединяет эти тысячи разнообразных событий, сотни тысяч людей в один объект, который является референтом имени «Сталинградская битва»? – Только само имя: именно с его помощью мы из истории Великой Отечественной войны, из истории Второй мировой войны выделяем какие-то события и объединяем их в нечто цельное. Вообще говоря, можно было бы выбросить это имя и говорить, скажем, об «обороне Сталинграда», которая, собственно, началась только во второй половине августа 1942 г., т.е. на месяц позже, и продолжалась до 19 ноября, т.е. на два месяца меньше Сталинградской битвы. То же самое множество событий можно было бы группировать по-разному, включать или не включать в него те или иные элементы, устанавливать между этими элементами те или другие связи и т.п. Наглядной иллюстрацией этой возможности служат мемуары советских и немецких военачальников, имевших отношение к данному сражению. Приведенный пример показывает, как мне кажется, что единичные объекты, обозначаемые именами собственными, порой представляют собой весьма сложные образования, существенным образом зависящие от своего имени (здесь нужны оговорки). Более того, они вряд ли существуют до и без своего обозначения. Таким образом, мы можем констатировать, что, по крайней мере, часть собственных имен естественного языка нарушает все предпосылки теории отношения именованного и первый принцип – *однозначности* – этой теории.

6. Здесь можно возразить: это, быть может, верно в отношении такого рода сложных имен и событий, но мы говорим о конкретных, локализованных в пространстве и времени физических предметах, а не о событиях. Принципы и предпосылки теории отношения именованного справедливы именно для конкретных предметов. Хорошо, тогда посмотрим, какие предметы обозначаются такими именами, как «Москва», «Россия», «Эльбрус», «Александр Пушкин» и т.п.

Возьмем имя всем нам хорошо известного «предмета», например, имя «Петр Куслий». Каков его референт? Неужели конкретный предмет? Пытаясь понять, что за предмет обозначается этим именем, мы прежде всего замечаем, что в отличие от числа 7, от треугольника ABC, от корня квадратного из 49, вообще от «индивидов» логической семантики, наш «предмет» все время изменяется: младенец, школьник, студент, аспирант, научный сотрудник. Оказывается, наше имя именуется не один-единственный предмет, а множество *разных* предметов: ясно, что школьник Петя Куслий и научный сотрудник Петр Куслий с физической стороны, по крайней мере, имеют между собой весьма мало общего. Взятое само по себе, в отрыве от конкретного момента времени, имя «Петр Куслий» обозначает *множество* разных предметов. В этом отношении оно напоминает имя «Сталинградская битва» и его референт также может рассматриваться как некое событие, растянувшееся более чем на 30 лет. И точно так же, как имя «Сталинградская битва» создает свой референт, имя «Петр Куслий» создает

свой референт, налагаясь – как некая объединяющая рама – на множество разных объектов. (Кстати сказать, у некоторых народов человек меняет свое имя несколько раз в течение жизни, ибо они считают, что имя младенца не может быть именем взрослого мужчины, а имя взрослого мужчины не может принадлежать старцу).

Таким образом, наше имя оказывается вовсе не единичным, а общим термином, поскольку обозначает не один, а множество предметов. Тогда подлинным именем собственным, т.е. единичным термином, можно было бы считать имя, снабженное индексом по времени: «Петр Куслий в момент T1» – «ПКТ1». – В итоге мы получим множество имен, индексированных по времени: ПКТ1, ПКТ2, ПКТ3,... Референтами этих имен будет физический объект Петр Куслий, рассматриваемый в определенный момент его существования. Но каков будет референт имени «Петр Куслий» без индекса по времени, так сказать, «абстрактного» Петра Куслия? Это имя будет обозначением множества либо индексированных по времени имен, либо обозначаемых ими предметов.

7. Сделаем еще один, достаточно простой и очевидный шаг. Имена предметам дает ведь не Господь Бог, эти имена дают и используют люди. Наше имя «Петр Куслий» употребляется разными людьми. И здесь опять-таки легко понять, что каждый человек, использующий это имя, обозначает им свой особый объект. Скажем, когда мать говорит о Петре Куслии, она обозначает этим именем своего любимого сына, который доставил ей много радости в прошлом и продолжает радовать ее своими нынешними успехами. Но когда это имя использует жена нашего героя, она обозначает им совсем иной объект. Коллеги по работе обозначают этим именем веселого остроумного философа, с которым полезно и приятно поговорить об англо-американской аналитической философии, пошутить, распить бутылочку виски. Директор Института, употребляя это имя, имеет в виду вечно небритого, но инициативного председателя Совета молодых ученых.

Все эти люди, употребляющие имя «Петр Куслий», обозначают этим именем разные предметы, часто совершенно непохожие один на другой. Скажем, некоторые авторы, присылающие в наш журнал статьи, на которые отвечает Петр Куслий, могут считать его сухим, даже грубым человеком. Мать скажет – нет, это не ее сын, ее сын никогда не был грубым. Друзья считают Петра человеком скромным и деликатным. Если согласиться с тем, что каждый, употребляющий имя «Петр Куслий», обозначает этим именем специфический конкретный предмет, то подлинно собственными именами – именами единичных предметов – опять-таки будут имена, снабженные индексом, указывающим на субъекта, употребляющего имя: «ПКС1», «ПКС2», «ПКС3»,..., т.е. «Петр Куслий для матери», «Петр Куслий для жены», «Петр Куслий для Екатерины Востриковой» и т.д.

Тогда перед нами опять встает вопрос: каков референт имени «Петр Куслий» безотносительно к субъектной индексации, абстрактного имени? Ответ аналогичен предыдущему: это имя обозначает множество объектов, обозначаемых индексированными именами.

8. Увы, это еще не все. Всякий человек, использующий имя «Петр Куслий», употребляет его в какой-то конкретный момент времени, поэтому для

получения подлинного имени собственного мы должны наши имена с субъектной индексацией снабдить еще индексом по времени: «Петр Куслий для матери в момент времени T1». Тогда получится, что каждое имя, индексированное по времени, представляет не одно, а множество имен, снабженных вдобавок субъектным индексом. В итоге получается следующая картина:

Петр Куслий

ПКТ1...ПКТ5.....ПКТ10.....ПКТ15.....ПКТ30

(ПКТ1С1,ПКТ1С2,..) (ПКТ10С1,ПКТ10С2, ...) (ПКТ30С1,....)

В нижней строчке представлены множества подлинно собственных имен – это имя «Петр Куслий», употребляемое конкретным субъектом в конкретный момент времени. Каждое имя, индексированное по времени, представляет собой множество имен, индексированных по субъектам. Вторая строчка представляет множество имен, индексированных по времени. Таким образом, абстрактное имя «Петр Куслий» оказывается даже не множеством, а *множеством множеств* конкретных имен, т.е. абстракцией, по крайней мере, второго уровня!

Если теперь поставить вопрос о референте этого абстрактного имени, то на него довольно трудно ответить, но в любом случае ясно, что это вовсе не конкретный физически существующий предмет, иначе говоря: *Петра Куслия, просто Петра Куслия не существует!* Как не существует человека вообще, города вообще и т.п. Наш герой подобен древнегреческому божееству Протею, который предстает в облике то змеи, то дерева, то льва, то текущей воды, но «подлинного», собственного облика не имеет.

9. Введя подходящие обозначения с помощью латинских или, лучше, греческих букв, развесив наши индексы вверху и внизу соответствующих знаков, приняв кванторы по индексам, мы могли бы попытаться построить особое *исчисление имен – номинативную* логику, описывающую разнообразные отношения между нашими именами. Здесь возникло бы множество хитроумных проблем и можно было бы предложить немало изобретательных и остроумных решений. Но мы этим заниматься не будем и попробуем взглянуть на более серьезные проблемы, с которых мы начали свое движение.

10. Логическая семантика рассматривала такие имена, как «Платон», «Аристотель», «Париж», как обозначения конкретных предметов. Однако следует ясно осознавать, что *все* выражения естественного языка, включая и столь простые, как имена собственные, являются обобщениями, абстракциями высокого уровня, охватывающими множества и множества множеств объектов. И тогда возникает сомнение: действительно ли слова

нашего языка *обозначают* окружающие нас предметы? Не обусловлены ли трудности применения результатов логической семантики к естественному языку ошибочностью исходной идеи Фреге, выделившего в качестве основной обозначающую функцию языка и рассматривавший все его выражения как обозначения (имена) предметов и функций? Рассматривать естественный язык только как систему обозначений значит соорудить чрезвычайно бедную модель языка – его глиняное чучело, столь же мало похожее на естественный язык, сколь мало походит труп на живого человека.

Естественный язык служит, прежде всего и главным образом, для общения людей между собой, *коммуникативная* функция – вот первая и главная функция языка. С этой функцией неразрывно связана вторая важнейшая функция языка – *когнитивная*: язык служит средством накопления, хранения и передачи информации. Функция обозначения играет подчиненную, второстепенную роль, она подчинена двум первым важнейшим функциям. Все это кажется достаточно тривиальным, однако логическая семантика, ориентированная на анализ искусственных языков, совершенно не обращала внимания на важнейшие функции естественных языков, поэтому и наталкивалась на трудности, пытаюсь анализировать естественный язык.

11. Вернемся к нашему примеру, поскольку результат, к которому мы пришли, способен вызвать недоумение: неужели мы ни о чем не можем говорить?

По-видимому, можно согласиться с тем, что разные люди, использующие имя «Петр Куслий» в разные периоды времени, имеют в виду разные объекты. Но тогда как же они понимают друг друга? Если один человек, произнося слово «ключ», имеет в виду источник, выходящий на поверхность земли, а его собеседник подразумевает под этим «ключ от квартиры, где деньги лежат», то они, очевидно, не понимают друг друга. Но когда мать, жена и сослуживец в совместном разговоре произносят имя «Петр Куслий», то несмотря на то, что они обозначают этим именем разные предметы, они все-таки понимают друг друга! Они способны осмысленно спорить по поводу свойств подразумеваемого объекта, могут корректировать свои представления о нем, могут соглашаться друг с другом. Почему это возможно?

Можно предположить, что во всех разных объектах, обозначаемых этим именем разными людьми в разные периоды времени, есть что-то общее, что-то такое, что сохраняется в Петре Куслии во времени и что присуще всем объектам, обозначаемым разными индексированными именами. Быть может, это некоторый уникальный набор признаков, которыми в совокупности обладает только Петр Куслий и который отличает его от всех иных объектов и людей. Но если так, то абстрактное имя «Петр Куслий» обладает смыслом (или дескриптивным содержанием), содержащим эти признаки. Этот смысл задает абстрактный объект, обозначаемый данным именем. В итоге мы приходим к достаточно тривиальной мысли о том, что выражения естественного языка аккумулируют в своем содержании только общие и существенные признаки вещей и явлений и обозначают вовсе не реальные, а

абстрактные объекты. Этот объект подразумевается всеми, говорящими о Петре Куслии, и обеспечивает основу для взаимопонимания.

12. Наши имена задают некоторый абстрактный объект, выражающий сущность предмета, вещи. Когда кто-то использует данное имя в некоторой конкретной ситуации, он добавляет к его абстрактному содержанию какие-то конкретные черты и, таким образом, вносит свой личностный смысл в смысл абстрактного имени. Вот так и возникает конкретное единичное имя конкретного единичного объекта. Кажется, здесь нет разницы между употреблением единичных и общих терминов. Скажем, у меня имеется общее имя «собака», чрезвычайно бедный смысл которого задает весьма абстрактный объект – собаку вообще, просто собаку. Но когда я применяю это слово к дрожащей комнатной собачке, которая помещается в сумке, или к кривозубому английскому бульдому с кроваво-красными глазами, я дополняю смысл общего термина дополнительными конкретными чертами и получаю уже конкретный физически существующий объект. Точно так же обстоит дело и с единичными терминами: сам по себе единичный термин имеет очень бедное содержание, но в конкретном употреблении он наполняется дополнительным смыслом и служит для построения конкретного объекта. Здесь можно усмотреть отдаленную аналогию с неясной идеей Л.Витгенштейна: полное значение слова создается только в конкретном употреблении. Правда, у Витгенштейна вне употребления слово не имело никакого значения. По-видимому, это неверно: слово обладает значением и вне употребления, хотя это значение является весьма бедным. Логика и логическая семантика говорили о трех видах терминов – общих, единичных, пустых. По-видимому, *никаких единичных терминов нет*, все термины являются либо общими, либо пустыми.

13. Все теории референции, рассматривающие собственные имена как лишенные содержания «бирки», прикрепляемые к предметам, в применении к естественному языку следует признать ошибочными. Если согласиться с тем, что язык – национальный язык или язык науки – служит для коммуникации и познания, то мы вынуждены признать, что слова – это не просто графические значки, соотносимые с предметами, а носители информации об окружающих предметах и явлениях. Эта информация и составляет смысл языковых выражений.

По коридору идет какой-то человек. – «Кто это?», спрашиваете вы приятеля. – «Да это Альберт Эйнштейн», – отвечает он. Вы подпрыгиваете от неожиданности и начинаете с жадным вниманием присматриваться к этому человеку. Почему? Разве просто потому, что вам сообщили, какое имя, какая «бирка» прикреплена к этому человеку? Нет, вам сообщили гораздо больше: это создатель теории относительности, перевернувшей наши представления и пространстве и времени, лауреат Нобелевской премии, крупнейший физик XX века и т.д. Посредством имени вам сообщили информацию о человеке, следовательно, эта информация была заложена в смысле этого имени.

Когда-то Рассел разделил имена собственные и дескрипции. Собственное имя непосредственно обозначает объект, а дескрипция лишь указывает на него посредством описания какой-то его черты, характеристики, свойства. «Вальтер Скотт» – подлинное имя, а «автор *Веверля*» – дескрипция. «Вальтер Скотт» прикрепляется к предмету в результате

«непосредственного знакомства» с ним, а «автор *Веверлея*» указывает на человека, с которым мы непосредственно незнакомы, который может и не существовать вовсе. С развиваемой здесь точки зрения, нет разницы между именами и дескрипциями. Имя обладает дескриптивным содержанием и обозначает некий абстрактный объект, задаваемый этим содержанием. Допустим, произнося имя «Вальтер Скотт», я имею в виду автора романа *Айвенго*. Ничего другого я о Вальтере Скотте не знаю. Тогда «Вальтер Скотт» и «автор *Веверлея*» – это два разных имени, смысловое содержание которых задает разные абстрактные объекты. И тогда действительно можно интересоваться тем, является ли Вальтер Скотт также и автором *Веверлея*. Однако эти имена не взаимозаменяемы, ибо даже если они указывают на одного и того же человека, тождество «автор *Айвенго* = автору *Веверлея*» неверно. Оно может быть верным только в том случае, если все значение слов сводится к предметному значению, но в естественном языке это не так.

14. Вывод, вытекающий из предшествующих рассуждений, можно выразить простым силлогизмом:

Важнейшими функциями естественного языка являются коммуникативная и когнитивная.

Логическая семантика в своем развитии ограничивалась рассмотрением только обозначающей функции языка.

Следовательно, идеи и результаты логической семантики почти совершенно бесполезны для философии языка.